

УДК 329./1.6(470+571)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-61-73

ГОРЛОВ Александр Витальевич, старший преподаватель Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации» (Россия, Орёл), e-mail: strix63@yandex.ru, SPIN-код: 7114-1994, AuthorID: 1164888

GORLOV A.V., Senior Lecturer, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: [e-mail:strix63@yandex.ru](mailto:strix63@yandex.ru), AuthorID: 1164888

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ РОССИИ В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

THE MAIN POLITICAL FORCES OF RUSSIA IN THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

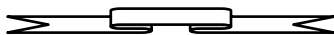
Аннотация. Целью статьи является уточнение роли основных политических сил России в Февральской революции 1917 года. Эта революция, подчёркивает автор статьи, представляла собой народное восстание, направленное не столько против самодержавия, сколько против разрухи, вызванной мировой войной и господством в российской экономике олигархического капитала. В авангарде восставших шёл петроградский пролетариат, но, воспользовавшись революционной неразберихой и либеральными иллюзиями народных масс, главный орган революции – Петроградский Совет рабочих депутатов – возглавили мелкобуржуазные либералы.

Ключевые слова: кадеты, меньшевики, эсеры, большевики, Февральская революция 1917 года, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Abstract. The purpose of the article is to study the role of the main political forces of Russia in the February Revolution of 1917. The author emphasizes that his revolution was a people's rebellion directed not so much against the autocracy as against the devastation caused by the World War and the dominance of oligarchic capital in the Russian economy. The Petrograd proletariat was in the forefront of the rebels.

As a result, the author concludes that pettybourgeois liberals took advantage of the revolutionary confusion and the liberal illusions of the masses and headed the main organ of the revolution - the Petrograd Soviet of Workers' Deputies.

Keywords: Cadets, Mensheviks, Social Revolutionaries, Bolsheviks, February Revolution of 1917, Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies.

©Горлов А.В., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

В 1917 год Российская империя вступила в состоянии глубокого кризиса, поставившего страну на грань национальной катастрофы. Затянувшаяся мировая война до предела обострила массу накопившихся в России проблем, главной из которых была крайне неэффективная организация промышленности и сельского хозяйства.

Чтобы сделать российскую экономику более эффективной, нужно было энергично развивать планирование, однако царское правительство не считало необходимым всемерно содействовать этому процессу, явно недооценивая важность «особых совещаний» – планирующих контор, созданных во время войны обеспокоенными растущей разрухой предпринимателями. «Новые «совещания», – свидетельствует С. Г. Струмилин, работавший в одной из таких контор, – призваны были наладить учёт, контроль и распределение убывающих ресурсов страны. Это были только самые первые, крайне элементарные и бессистемные опыты регулирования всего народного хозяйства в целом» [8, С. 174].

Отсутствие эффективного управления крайне негативно сказывалось на функционировании экономики Российской империи. В начале 1917 года в стране продолжало действовать только три четверти заводов и фабрик, работавших в 1914 году, а число открытых за военное время новых предприятий составило лишь половину закрытых [3, С. 379].

В тяжёлом положении оказался железнодорожный транспорт. К январю 1917 года число неисправных паровозов превысило 22 %. Строительство железных дорог почти прекратилось. В 1916 году железнодорожники выполнили продовольственные перевозки в интересах военного министерства только на 50 % [3, С. 380]. «Недостаток боевых припасов, малочисленность заводов для их произ-

водства, редкость железнодорожной сети для их подвоза перевели отсталость России на общепонятный язык поражений», – отмечает Л. Д. Троцкий [10, С. 47].

Поражения, в свою очередь, способствовали падению промышленного производства. Накануне революции «общие потери промышленности вследствие занятия неприятелем территории составили около 20 %, а по некоторым отраслям ещё более (текстильная – 25–28 %, химическая – 22–23 %)» [3, С. 401].

Ещё хуже складывалась ситуация в сельском хозяйстве. «Правительство увело из деревни около 10 миллионов работников и около 2 миллионов лошадей. Слабые хозяйства ещё более ослабели. Выросло число беспосевных. Но и середняки на втором году войны пошли под гору» [10, С. 73]. В 1916 году разразился продовольственный кризис, в крупных городах обычным явлением стали длинные очереди за хлебом (их называли «хвостами»), и министерству земледелия пришлось даже ввести продразвёрстку, обязав владельцев хлеба сдавать определённую его часть по твёрдым ценам. Однако «правительство не имело аппарата для изъятия хлеба, а хлеботорговцы не торопились продавать его по твёрдым ценам. Не было и аппарата распределения заготовленного хлеба. Чиновники ревниво боролись с земцами и городским самоуправлением, вместо того чтобы опираться на них» [12, С. 11].

Между тем финансовая ситуация становилась всё более напряжённой. Государственный долг России достиг 33,5 млрд рублей, увеличившись по сравнению с довоенным в 4 раза. Страну наводнили бумажные деньги. Резко выросли цены [3, С. 381]. «Для низкооплачиваемых слоёв рабочих дороговизна была настоящим бедствием. В условиях инфляции рабочие не могли накопить средства «на чёрный день», что ставило семьи на грань катастрофы в случае увольне-

ния. К тому же... рабочий день, как правило, был удлинён до 12 часов, а то и больше (плюс обязательные воскресные работы). Рабочая неделя выросла на 50 %» [12, С. 11].

К началу 1917 года всем было ясно, что Россия накануне революционного взрыва и что, скорее всего, он произойдёт в Петрограде – промышленном, культурном и политическом центре страны. Как готовились к этому взрыву основные политические силы?

Царское правительство не придумало ничего лучше, как сосредоточить в столице большое количество войск, чтобы жестоко подавить назревавший народный бунт. На этом плане изначально лежала печать обречённости на неудачу, ибо даже его разработчики чувствовали, что остановить углублявшийся кризис одними военными и полицейскими методами не удастся. Отсюда неуверенность и колебания, проявленные сторонниками самодержавия в ходе Февральской революции.

Общей целью их противников было максимально использовать сложившуюся революционную ситуацию для переустройства российского общества. А вот какие необходимы преобразования, разные партии видели по-разному.

Идеалом кадетов (членов «Партии народной свободы») была британская нелиберальная монархия. Свергнув самодержавие, они планировали «во имя спокойствия и порядка» всего лишь скорректировать, подправить старый общественный строй в духе этого идеала. Экономическую и политическую деятельность царского правительства лидер кадетов П. Н. Милюков и его ближайшие соратники оценивали в общем положительно, ибо в целом она имела нелиберальный характер и, значит, соответствовала потребностям развития олигархического капитала, которому верой и правдой служила ПНС. Единственное, что категорически не устраивало кадетов, – это глупое, безответственное

своеволие Николая II и окружавшей его клики. Кадеты полагали, что стоит устранить самодержавное своеволие – и с кризисом удастся справиться. С точки зрения Милюкова, лучшим политическим выходом из создавшейся в России крайне неблагоприятной обстановки было провозглашение монархом малолетнего царевича Алексея, чтобы от его имени управление страной осуществлял регент, опирающийся на подконтрольную кадетам Государственную Думу.

Меньшевики и эсеры, представлявшие главным образом мелкую буржуазию, сводили грядущую революцию к «буржуазно-демократической», похожей на Великую французскую. Чтобы монополистический капитал не пытался противодействовать либеральным преобразованиям, меньшевики и эсеры предполагали оказывать на него постоянное давление, опираясь на революционные массы рабочих и крестьян. Этот план был утопическим и реакционным, потому что ставка делалась в основном на мелкий капитал, тогда как вывести страну из кризиса мог только монополистический.

Большевики занимали иную позицию. С их точки зрения, «буржуазно-демократическим» будет лишь начало революции, и, как только удастся завоевать либеральные свободы, сразу же станет вопрос о переходе к социализму. Социалистическое общество понималось при этом как супермонополия, т. е. как единое огромное предприятие с единым супермонополистическим капиталом. В мировой войне большевики видели агонию мирового капитализма. На самом деле, в те военные годы в муках беспрецедентного кризиса корчился не капитализм как таковой, а либеральный капитализм, и большевики выражали интересы не столько пролетариата, сколько новой, номенклатурной буржуазии [1, С. 62–63], стремившейся спасти капиталистический мир от либерального безумия.

Попробуем расставить основные поли-

тические силы России начала 1917 года по порядку, справа налево, чтобы получился политический спектр. В политологии правыми обычно называют тех, кто препятствует развитию общества, а левыми – тех, кто способствует. Следует учитывать, что политические силы выстраиваются не по прямой, а по дуге. В результате правый и левый полюса оказываются рядом: крайне правые силы своими яростными попытками остановить прогресс способны невольно оказывать ему существенное содействие, а революционное нетерпение крайне левых нередко не только не способствует прогрессу, а ещё и отбрасывает общество назад.

Поскольку сторонники самодержавия, включая самых фанатичных и оголтелых (черносотенцев), мешали выходу страны из системного кризиса, их место, несомненно, было справа. Но следует ли рассматривать их политическую деятельность как главную преграду на пути преодоления сгущавшихся социальных проблем, т. е. находились ли они не просто справа, а на правом краю политического спектра? На этот вопрос ещё с тех, революционных лет принято отвечать положительно. Однако, на наш взгляд, научный ответ должен быть другим.

Отметим, что партию кадетов её бесценный лидер Милюков считал центристской [6, С.316]. Сторонников самодержавия он помещал справа, а слева – всех «социалистов», основную массу которых составляли социал-демократы и социалисты-революционеры (эсеры). При этом, по его мнению, большевики и анархисты занимали крайне левую позицию, что сближало их с крайне правыми.

Несмотря на то что на самом деле расстановка основных политических сил была иной, Милюков не ошибался, называя кадетов центристами. При этом, однако, необходимо внести уточнение: ПНС занимала правую сторону центра. Чуть правее от них (тоже в правом секторе центра) находились сторон-

ники самодержавия, ещё правее – меньшевики, а на самом краю правого фланга располагались эсеры. Теперь о левом фланге: всё его пространство, включая левую сторону центра, занимали большевики. Правда, в 1917 году там – на самом левом краю – были ещё и анархисты, но они, опираясь в основном на деклассированные элементы российского общества, в том числе уголовников, и в силу этого не имея ясной, строго очерченной политической физиономии, во-первых, не входили в состав основных политических сил России, хотя иногда и заявляли о себе весьма громко, кричаще ярко, а во-вторых, не занимали в политическом спектре какую-то устойчивую, неизменную позицию, играя в разные периоды революции то прогрессивную, то реакционную роль.

Следует учитывать, что правильной, строго научной картины политического спектра не было не только в головах кадетов, но и в головах представителей других российских партий. Вот как накануне Февральской революции рисовали его (справа налево) меньшевики: сторонники самодержавия, кадеты, эсеры, меньшевики, большевики. Сходная картина была в головах эсеров, разве что меньшевиков они помещали не слева, а справа от себя, считая не их, а себя главной революционной силой. Большевиков меньшевики и эсеры считали крайне левыми, сближая их с крайне правыми, к коим относили черносотенцев. Например, осенью 1917 года глава Временного правительства эсер А. Ф. Керенский, выступая с речью на Демократическом совещании, пугал аудиторию тем, что стране в равной мере угрожают анархия и контрреволюция, имея в виду деструктивную, с его точки зрения, деятельность, с одной стороны, большевиков, а с другой – черносотенцев.

Ошибки в осмыслении политической ситуации, сложившейся к началу Великой российской революции, делали действия её

участников, даже партийных лидеров, непоследовательными, странными с точки зрения классовых интересов. Однако революция заставляла исправлять ошибочные взгляды, и, хотя эти коррективы не всегда были удачными, в целом поведение представителей разных партий было весьма логичным.

Чем была Февральская революция: стихийным взрывом или результатом заговора? Об этом до сих пор спорят [12, С. 11–12], и неспроста: февральский переворот 1917 года произошёл так стремительно, как не всегда удавалось осуществить насильственную смену государственной власти даже современным высококвалифицированным заговорщикам, в распоряжении которых тщательно разработанные сценарии «цветных революций».

И всё же Февраль был стихийным. Однако это неподготовленное восстание очень напоминало результат всеобщего заговора, ибо революционная стихия представляла собой единодушный взрыв недовольства и нижних, и верхних слоёв российского общества, совместный всплеск политической активности как неорганизованных народных масс, так и практически всех более или менее влиятельных организаций, включая Государственную Думу и даже царское правительство. «Кругом измена», – записал Николай II в своём дневнике в день отречения от власти, и он нисколько не преувеличивал: за годы войны этот «святой» самодержец умудрился настроить против себя и придворной камарильи всю Россию.

Говоря о стихийности Февраля, Л. Д. Троцкий, не отрицая её категорически, стремится показать, что она была весьма необычной, не очень-то стихийной. «Ходячее убеждение в стихийном характере Февральской революции, – заявляет он, – глубоко ошибочно или, в лучшем случае, бессодержательно» [10, С. 160]. Это представление, подчёркивает Троцкий, характерно для либерала, а для марксиста оно не годится, ибо стихий-

ность становится здесь почти мистической: дело выглядит так, будто революция грянула как гром среди ясного неба и столь же чудесным образом увенчалась победой [10, С. 158].

Чтобы опровергнуть либеральную точку зрения на стихийность Февраля, Троцкий умело воспользовался ничем не примечательным на первый взгляд фрагментом из воспоминаний сенатора-либерала Завадского: 24 февраля 1917 года (все даты – по старому стилю), т. е. в самом начале революционных событий, трамвай, в котором ехал сенатор, совершенно неожиданно резко свернул с Литейного проспекта на боковую улицу и остановился. Кондуктор предложил всем выходить: «Дальше вагон не пойдёт». Незамысловатую трамвайную историю, рассказанную Завадским, Троцкий прокомментировал так, что в ней мощно зазвучала одна из главных тем Великой российской революции: «...Этот решительный кондуктор ... должен был обладать высоким сознанием долга, чтобы единолично остановить вагон с чиновниками на улице императорского Петербурга во время войны. Именно такие кондуктора останавливали вагон монархии, с теми же примерно словами: «Дальше вагон не пойдёт!» – и высадили вон бюрократию, не отличая за спешностью дела жандармских генералов от либеральных сенаторов. Кондуктор с Литейного был сознательным фактором истории» [10, С. 163–164]. Блестящий – глубокий и остроумный – комментарий!

Свергнувший самодержавие народ, справедливо подчёркивает Троцкий, не был той слепой, инстинктивно действующей силой, какой любят изображать его политики-либералы. Но, оспаривая либеральную точку зрения, Троцкий вошёл в раж митингового оратора и взялся утверждать, будто в ходе Февральской революции народные массы проявили столь высокий уровень самосознания, что смогли осуществить восстание как «сознательный процесс», не нуждающийся в

руководстве сверху. Следовательно, уверяет Троцкий, называть это восстание стихийным неправильно [10, С. 164–166].

Видимость планомерности придаёт Февральской революции то, что в свержении самодержавия так или иначе участвовали все слои российского общества. К началу 1917 года, отмечает А. В. Шубин, в стране сложился широкий оппозиционный фронт, включавший «и собственно революционное подполье, и масонов, и легальных социалистов, и думский Прогрессивный блок, и фрондирующих генералов, связанных с думским блоком. Одни части этого фронта не только не управляли другими, но часто даже не знали об их деятельности. Но все были готовы воспользоваться случаем, чтобы начать действовать...» [12, С. 13].

И в феврале 1917 года такой случай представился. Уже с конца 1916 года в Петрограде почти непрерывно шли забастовки и митинги. Известно, что в их организации ведущую роль играли большевики, но представители других «социалистических» партий тоже энергично участвовали в этом деле. Так, в стачечный комитет забастовки путиловских рабочих, начавшейся 18 февраля 1917 года и ставшей важным шагом на пути к революции, кроме большевиков, вошли анархисты, меньшевики и эсеры [12, С. 26]. 22 февраля в ответ на забастовку администрация Путиловского завода объявила локаут, обеспечив назревавшую революцию ударным отрядом из более чем 30 тысяч уволенных рабочих.

23 февраля, в Международный женский день, состоялись массовые демонстрации женщин-работниц под лозунгами: «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Верните нам наших мужей!» [3, С. 408]. Вместе с работницами в демонстрациях и митингах приняли участие рабочие. Улицы были переполнены полицией, конными городскими, врезавшимися в толпу и стегавшими её нагайками [5, С. 226–227].

Так началась Февральская революция. 23 февраля с обеих сторон были пострадавшие, но убитых пока не было. В этот день забастовка охватила 43 предприятия (78 443 рабочих), а 24 февраля – уже 131 предприятие (158 583 рабочих) [11, С. 23, С. 27]. Революционная активность масс резко выросла.

Невский проспект был наводнён тысячами демонстрантов. Казаки, явно сочувствуя демонстрантам, вели себя пассивно [5, С.227]. Гремела «Рабочая «Марсельеза»: «Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног...» Демонстрации и митинги проходили на всех проспектах, площадях и больших улицах Петрограда до позднего вечера [5, С. 266].

То, что в первые два дня февральского восстания, несмотря на несколько серьёзно пострадавших полицейских, войска вели себя очень сдержанно, стараясь не открывать огонь, Троцкий объясняет тем, что по плану, разработанному под председательством начальника Петроградского военного округа генерала С. С. Хабалова, время для жёстких мер ещё не пришло. «Порядок расправы был намечен такой: сперва действует одна лишь полиция, затем выступают на сцену казаки с нагайками и, лишь в случае действительной необходимости, пускаются в дело войска с ружьями и пулемётами». Хабалов, утверждает Троцкий, не был добродушным, он просто-напросто тщательно придерживался плана [10, С. 126]. Однако, на самом деле выполняя этот план, Хабалов не проявлял никакого усердия, действуя исключительно по долгу службы, и это его чисто формальное отношение к подавлению беспорядков, по видимому, хорошо чувствовали подчинённые, особенно казаки: ведь в 1914–1916 годах генерал был наказным атаманом Уральского казачьего войска.

24 февраля Хабалов, чтобы успокоить население Петрограда, распорядился срочно

выделить хлеб из военных запасов. «Но дело было, конечно, не в хлебе... Это была последняя капля... Дело было в том, что во всём этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти... И даже не в этом... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала... Не было, в сущности, ни одного министра, который верил бы в себя и в то, что он делает...» [13, С. 436]. Эту убийственную для царской власти характеристику общественно-политической ситуации, сложившейся в Петрограде в феврале 1917 года, дал в своих мемуарах не «социалист» и даже не кадет, а ярый сторонник самодержавия В. В. Шульгин.

25 февраля восстание усилилось. По данным полиции, число бастующих предприятий выросло до 173 (201 248 рабочих) [11, С. 34]. Остановились трамваи, не работали торговые заведения. К стачке примкнули студенты. В восставшем Петрограде началась стрельба, но пока она редкость, исключение, а не правило. Революционный натиск масс нарастает.

Находившийся в Могилёве, в Ставке, Николай II, заметив нерешительность Хабалова, вечером 25 февраля отправил ему телеграмму с требованием немедленно прекратить беспорядки. Помимо этого, царь приказал распустить становившуюся всё более оппозиционной Государственную Думу [3, С. 409]. В ночь на 26 февраля было арестовано более ста активистов революционных партий [10, С. 130].

Утром 26 февраля было тихо. Но вскоре затишье сменилось новым всплеском активности народных масс. Со всех пригородов рабочие колоннами и мелкими группами движутся в центр столицы. Когда их не пускают по мостам, они пробираются по льду. Войскам приказано стрелять, и борьба переходит в решающую стадию [10, С. 131].

Из донесения начальника Петроградско-

го охранного отделения министру внутренних дел: «...Во время беспорядков наблюдалось, как общее явление, крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа в ответ на предложение разойтись бросала камнями и комьями сколотого с улиц снега. При предварительной стрельбе войсками вверх толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и по прекращении стрельбы вновь выходили на улицу» [11, С. 60–61].

Смех в ответ на залпы военных нарядов – свидетельство того, что в моральном плане уже 26 февраля самодержавие потерпело полное, сокрушительное поражение. И в ночь на 27 февраля, благодаря этой моральной победе революционных масс, началась цепная реакция открытого перехода на их сторону частей Петроградского гарнизона. Первыми восстали унтер-офицеры учебной команды лейб-гвардии Волынского полка – одни из тех, кого самодержавие считало своей главной опорой в борьбе с беспорядками. Убив своего командира штабс-капитана Лашкевича, восставшие гвардейцы двинулись к казармам других полков. Волынцев поддерживали преображенцы, затем солдаты Литовского и сапёрного полков. Сопrotивлявшихся восстанию офицеров убивали, остальные разбежались [12, С. 39–40]. В этот день, отмечает Троцкий, не восстали только те части, которые не успели [10, С. 144].

Переход войск на сторону народа обеспечил быстрый, неожиданный для восставших масс перелом в ходе февральских событий. В ранние часы 27 февраля, отмечает Троцкий, рабочие думали, что до победы ещё далеко, а они уже почти победили. Революционный натиск рабочих вызвал революци-

онное движение солдат. «...В течение дня эти два мощных потока сливаются воедино, чтобы бесследно размыть и снести сперва крышу, затем стены, а позже и фундамент старого здания» [10, С. 142].

Восставшие солдаты в сопровождении рабочих двинулись к тюрьмам. Они разгоняли стражу и освобождали заключённых. Получив свободу, «...политические заключённые, взрослые люди, как дети, плакали и целовались друг с другом...» [5, С. 214]. «Нас несли на руках», – вспоминал один из них [5, С.288].

Революционные полки направились к Государственной Думе, наивно рассматривая её как центр борьбы с самодержавием. Между тем 27 февраля вершиной оппозиционной активности депутатов Думы стало учреждение ими Временного комитета Государственной Думы (ВКГД) для «водворения порядка в г. Петрограде и сношений с организациями и лицами». Возглавил этот хитрый то ли неофициальный, то ли официальный орган Думы сам её председатель М. В. Родзянко.

В это же время в Таврическом дворце, в здании Государственной Думы, стали собираться представители «социалистических» партий, чтобы учредить свой, революционный орган власти, и вечером 27 февраля был создан Петросовет – Петроградский Совет рабочих депутатов. Насколько строго соблюдался при этом принцип представительства, можно судить по автору «Записок о революции» Н. Н. Суханову (Гиммеру), который стал депутатом Петросовета и даже членом его Исполнительного комитета только потому, что был известным левым публицистом. Не рабочий и не член какой-то революционной организации, не участник уличной борьбы с самодержавием, Суханов представлял в Совете мифическую литературную группу [9, С. 90], а фактически – только самого себя.

Петросовет, простодушно заявляет Э. Карр, был создан «стихийно, группой рабочих, без руководства из центра» [4, С. 75].

Чуть ли не идиллическая картина: главный орган революционной власти «стихийно» создала «группа рабочих»! На самом деле история создания Петросовета так же далека от идиллии, как грязная интрига от честной борьбы. Идея возродить столичный Совет рабочих депутатов, разгромленный в ходе революции 1905–1907 годов, действительно, была пролетарской. Она пришла к рабочим ещё в начале февральских событий, но политическая неграмотность и доверчивость петерского пролетариата привели к тому, что организация Совета рабочих депутатов была поручена группе прожжённых либеральных политиков, которые, во-первых, никогда не были и не хотели быть рабочими, а во-вторых, усердно внедряли в сознание рабочих систему ценностей классического либерализма.

Эта группа состояла в основном из меньшевиков во главе с депутатом Думы Н. С. Чхеидзе. В Совете рабочих депутатов они увидели прекрасное средство для реализации меньшевистской программы деятельности российской социал-демократии в буржуазно-демократической революции. Программа выражала интересы российского либерального капитала, т.е. главным образом мелкой буржуазии. Эти же интересы выражала программа партии социалистов-революционеров (ПСР), благодаря чему быстро образовался крепкий меньшевистско-эсеровский блок, который сразу же занял в возродившемся Совете господствующие позиции и окрасил всю советскую политику в либеральные тона.

Российский крупный капитал предпочитал классическому либерализму более сложную и менее демократическую идеологию – олигархический неолиберализм, что создавало для мелкобуржуазных политиков серьёзную проблему. Им нужно было, с одной стороны, сотрудничать с крупным капиталом в целях ликвидации в России пережитков фео-

дализма и укрепления капиталистической системы эксплуатации, а с другой стороны, опираясь на революционные массы, вынуждать крупный капитал, т.е. монополистов-олигархов, к радикальной либерализации экономики и всей общественной жизни. Поэтому меньшевики и эсеры пошли по пути изощрённого лавирования между интересами низов и верхов, изображая из себя то защитников эксплуатируемых трудящихся, то защитников эксплуататоров, в том числе олигархов.

Интересно отметить, что Чхеидзе был включён в состав ВКГД, но отказался от участия в его деятельности, чтобы занять пост председателя Петроградского Совета рабочих депутатов. Вместо Чхеидзе роль главного посредника в отношениях между крупным и мелким капиталом, между ВКГД и Петросоветом, взялся играть более молодой и энергичный депутат Думы А. Ф. Керенский, который для выполнения этой миссии не постеснялся одновременно быть членом ВКГД (позднее – Временного правительства) и исполкома Петросовета.

«...Вначале Петроградский Совет рабочих депутатов, – продолжает простодушно описывать создание этой революционной организации Карр, – не стремился к власти» [4, С.75]. Какими скромными были первые руководители Петросовета: у них напрочь отсутствовали политические амбиции! На самом деле эта организация сразу же заявила о себе как о главном органе власти в восставшей столице, и не только в ней.

В обращении Петроградского Совета рабочих депутатов к населению Петрограда и России от 28 февраля 1917 года говорилось, что Совет рабочих депутатов ставит своей задачей борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России. Авторы обращения призвали всё население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать районные

комитеты и взять в свои руки управление всеми местными делами [11, С. 82]. «Формально, – отмечает Суханов, – власть принадлежала думскому комитету... Но это была лишь бумажная ... власть...» [9, С.115].

На первом заседании Петросовета основное внимание собравшиеся уделили продовольственной проблеме, так как голодные рабочие и солдаты могли опять восстать – на этот раз против революционной власти [9, С.89]. Опытные политики-либералы, которые возглавили Совет, хорошо понимали это и стремились обеспечить себе крепкую и широкую опору, причём не столько в рабочей, сколько в солдатской среде. 1 марта они, объединив Совет рабочих депутатов с Советом солдатских депутатов, создали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Если старый, исходный Петросовет по своему составу был преимущественно пролетарским, то новый стал преимущественно солдатским, причём солдатские депутаты образовали подавляющее большинство, так как по воле мелкобуржуазных лидеров Совета один рабочий депутат представлял аж тысячу рабочих, а один солдатский – всего лишь роту. В середине марта в составе Петроградского Совета было около 2 тысяч солдат и 800 рабочих. Хотя рабочие крупных предприятий составляли 87 % столичного пролетариата, половина рабочих депутатов представляла мелкие предприятия, где меньшевистско-эсеровское влияние было выше, чем на крупных [7, С.205]. Эта картина сохранялась вплоть до Октябрьской революции [9, С.265].

Меньшевистско-эсеровское руководство Петросовета, растворив депутатов от заводов и фабрик в массе депутатов от воинских частей, притормозило, идя навстречу крупному капиталу, обязательное введение на предприятиях 8-часового рабочего дня, зато, заигрывая с солдатскими массами и преследуя далеко идущие цели, спешно опубликовало

приказ № 1, существенно либерализовавший отношения между офицерами и солдатами Петроградского округа.

Согласно данному приказу во всех военных частях округа, начиная с рот, надлежало создать советские комитеты из выборных представителей от нижних чинов, имеющие право не исполнять приказы командиров, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов [11, С.89]. Фактически, в военной сфере вводилось двоевластие: технической стороной военной службы должны были, как и прежде, руководить офицеры (верхи), а руководство политической стороной брали на себя избираемые солдатами советские комитеты (низы).

«Приказ № 1, – заявляет Суханов, – в полном смысле продукт народного творчества» [9, 145]. Так сказать, крик души солдатских масс. Автор «Записок о революции» скромно умалчивает про закулисную сторону дела, о которой он, несомненно, знал.

Приказ № 1 был частью хитроумного плана, разработанного Сухановым и другими либеральными горе-стратегами, – настолько надуманного и авантюристичного, что Троцкий считал его создание и реализацию меньшевистско-эсеровским руководством Петровета сухановской послеоктябрьской выдумкой [10, С.248]. По замыслу Чхеидзе и К^о, двоевластие следовало ввести не только в войсках, но и во всей России. Техническое управление страной оставалось бы у неолиберального крупного капитала, а политическое перешло бы к либеральной мелкой буржуазии. Реализуя свой план, меньшевики и эсеры рассчитывали наладить партнёрское взаимодействие мелкого и крупного капитала, но не равноправное, а такое, в котором ведущую роль играла бы мелкая буржуазия. В конечном итоге Россия должна была превратиться в классическую либеральную республику с преобладанием мелкого и среднего

капитала. В дореволюционные времена крупные капиталисты и царские сановники всячески унижали мелкую буржуазию, ставя её почти что на уровень пролетариата, и теперь она жаждала мести и власти.

Один из создателей хитрого меньшевистско-эсеровского плана Суханов в своих «Записках о революции» старательно пытается изобразить его как пролетарский. Чтобы революция не потерпела крах, пишет автор «Записок», пролетариат должен, создав боевую организацию (Совет), взять власть не своими, социалистическими руками, а руками согласившейся властвовать под его контролем буржуазии, после чего под растущим пролетарским давлением буржуазия должна постепенно и безболезненно развивать в стране демократию [9, С.50–51].

Разумеется, на деле меньшевистско-эсеровский план не был пролетарским. Это либеральный план мелкой буржуазии, которая, используя пролетариат как инструмент давления на крупный капитал, рассчитывала перераспределить буржуазную собственность в свою пользу.

Какую изощрённую изобретательность проявили мелкобуржуазные либералы, создавая свой план! Какая тонкая стратегия! Но, как известно, где тонко, там и рвётся. В условиях углублявшегося системного кризиса хитроумный меньшевистско-эсеровский замысел был обречён на провал. Однако начало его реализации выглядело весьма успешным.

На исходе 1 марта делегация Петровета, состоявшая из Чхеидзе, Соколова, Стеклова и Суханова, отправилась к думцам из ВКГД на переговоры о Временном правительстве, благо идти было недалеко: и Совет, и ВКГД располагались в одном здании. «Программа демократов ... сводилась к одному-единственному требованию: дать левым партиям свободу агитации», – заявляет Троцкий. На самом деле делегаты Совета потребовали от думцев не просто гарантировать свободу

агитации, а согласиться на существенную либерализацию всего российского общества [11, С.91].

На переговорах о создании Временного правительства позицию Петросовета изложил Ю. М. Степков, который, говоря о приказе № 1, постарался убедить думских переговорщиков во главе с Милюковым в полной совместимости выполнения этого постановления с сохранением боеспособности армии [9, С.149]. Советская делегация ожидала, что думцы будут отчаянно сопротивляться, но их единственным условием оказалось издание декларации, извещающей о том, что Временное правительство сформировано по соглашению с Советом рабочих и солдатских депутатов, и призывающей солдат доверять и подчиняться командному составу [9, С.151].

Лидеры Совета довольно потирали руки: их коварный либеральный план начал осуществляться, причём довольно гладко, не встречая серьёзного противодействия как со стороны народных масс, так и со стороны цензовой (средней и крупной) буржуазии. Однако пройдёт совсем немного времени, и эти весьма посредственные, но крайне амбициозные интриганы увидят, как они ошибались. Все их успехи были призрачными, как призрачным был и тот мелкобуржуазный рай, который они пытались построить в революционной России руками крупного капитала.

Первый тревожный для них звонок прозвенел уже в процессе переговоров с ВКГД: оказалось, что во Временное правительство намерен войти член исполкома Петросовета Керенский. Это шло вразрез с хитроумным либеральным планом, а также с постановлением исполкома, которое требовало от представителей «революционной демократии» держаться в стороне от правительства. Неслучайно реакция Суханова, одного из создателей меньшевистско-эсеровского плана, была крайне отрицательной [9, С.165].

Тем не менее расчёт Керенского на то,

что меньшевики и эсеры проглотят преподнесённую им горькую пилюлю, полностью оправдался, ибо на волне достигнутых успехов лидеры Петросовета пребывали чуть ли не в эйфории. Всё виделось им в радужном свете, революция ласкала их взор как «сладкая мечта» и «волшебный лучезарный сон» [9, С.178]. Даже Суханов, по-видимому, оценил серьёзность совершённого Керенским проступка гораздо позже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

От быстрой победы над самодержавием голова кружилась у многих, не только у лидеров Петросовета. По городу под крики «ура» разъезжали украшенные красными флагами автомобили солдатских патрулей. В петлицах и на шляпах многих граждан, на штыках солдатских винтовок адели ленточки и банты. «Настроение было праздничное и возбуждённое» [5, С.229]. «Русский народ обвенчался со Свободой», – восторженно объявил в эти дни А. М. Горький [2, С.77].

Всенародный праздник, в который переросло, добившись победы, Февральское восстание, длился недолго, ибо, как свидетельствуют факты, приведённые в начале статьи, главной задачей Великой российской революции было не свержение самодержавия, а скорейшее преодоление беспрецедентного кризиса, вызванного затянувшейся мировой войной. Чтобы решить данную задачу, была необходима плановая экономика, в силу чего революция с самого начала имела антилиберальный характер. Однако меньшевики и эсеры, захватив власть, а после поделив её с кадетами и тем самым искусственно введя в стране либерально-неолиберальное двоевластие, усердно пытались убедить восставший народ в обратном – в необходимости либерализации как экономики, так и всех общественных отношений.

На первых порах кадетско-

меньшевистско-эсеровская пропаганда либерализма имела довольно широкий успех, и даже многие большевики попали под её влияние. Но шли месяцы, а разруха, вместо того чтобы исчезнуть или хотя бы слегка уменьшиться, значительно усилилась. В начале апреля 1917 года в Петроград приехал большевистский вождь В. И. Ленин, который сразу же заставил своих соратников встряхнуться, чтобы обеспечить развитие революции под антилиберальным флагом. С этого момента успех большевиков в их политической борьбе был фактически предрешён.

Библиография / References:

1. Горлов А.В. Историк и философ М. С. Восленский о господствующем классе советского общества // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4. – С. 58–73. EDN: RMTGFA.
2. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. – М.: Советский писатель, 1990. – 400 с.
3. История СССР, 1861–1917: Учебник для студентов / под ред. Н.Д. Кузнецова. – М.: Просвещение, 1984. – 480 с.
4. Карр Э. История Советской России. Кн. 1.: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.
5. Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 – февраль 1917 года) / Сост. Р.Ш. Ганелин, В.А. Уланов. – Л.: Лениздат, 1986. – 432 с.
6. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В двух томах. Т. 1 / П.Н. Милюков. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955. – 441 с.
7. Петров И.Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции (март – октябрь 1917 года). – М.: Политиздат, 1964. – 464 с.

8. Струмилин С.Г. Воспоминания и публицистика. – М.: Издательство «Наука», 1968. – 480 с.

9. Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3-х т. Т.1. – М.: Политиздат, 1991. – 383 с.

10. Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. – 464 с.

11. Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. – М.: Российский гос. гуманитарный университет, 1996. – 353 с.

12. Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. – М.: Академический проект, 2018. – 331 с.

13. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. – М.: Издательство «Новости», 1990. – 832 с.

1. Gortov A.V. (2020) Istorik i filosof M.S. Voslenskiy o gospodstvuyushchem klasse sovet-skogo obshchestva [Historian and philosopher M. S. Voslensky about the ruling class of Soviet society] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – №4. – S.58–73. EDN: RMTGFA (In Russ.).

2. Gor'kiy M. (1990) Nesvoyevremennyye mysli: Zametki o revolyutsii i kul'ture [Untimely thoughts: Notes on revolution and culture]. – М.: Sovetskiy pisatel'. – 400s. (In Russ.).

3. Istoriya SSSR, 1861–1917: Uchebnik dlya studentov [History of the USSR, 1861–1917: Textbook for students] / pod red. N.D. Kuznetsova. – М.: Prosveshcheniye, 1984. – 480s. (In Russ.).

4. Karr E. (1990) Istoriya Sovetskoy Rossii [History of Soviet Russia]. Кн. 1.: Том 1 и 2. Bol'shevistskaya revolyutsiya. 1917–1923. Per. s angl. – М.: Progress. – 768s. (In Russ.).

5. Krusheniye tsarizma: Vospominaniya uchastnikov revolyutsionnogo dvizheniya v Petrograde [The collapse of tsarism: Memoirs of participants in the revolutionary movement in Petro-

grad] (1907 – fevral' 1917 goda) / Sost. R.SH. Ganelin, V.A. Ulanov. – L.: Lenizdat, 1986. – 432s. (In Russ.).

6. Milyukov P.N. (1955) Vospominaniya [Memoirs] (1859–1917). V dvukh tomakh. T.1 / P.N. Milyukov. – N'yu-York: Izdatel'stvo im. Chekhova. – 441 s. (In Russ.).

7. Petrov I.F. (1964) Strategiya i taktika partii bol'shevikov v podgotovke pobedy Oktyabr'skoy revolyutsii [Strategy and tactics of the Bolshevik Party in preparing for the victory of the October Revolution] (mart – oktyabr' 1917 goda). – M.: Politizdat. – 464 s. (In Russ.).

8. Strumilin S.G. (1968) Vospominaniya i publitsistika [Memoirs and journalism Memoirs and journalism]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka». – 480s. (In Russ.).

9. Sukhanov N.N. (1991) Zapiski o revolyutsii [Notes on the Revolution]: V 3 t. T.1. – M.: Politizdat. – 383 s. (In Russ.).

10. Trotskiy L.D. (1997) Istoriya russkoy revolyutsii [History of the Russian revolution]: v 2t. T.1. – M.: TERRA; Respublika. – 464s. (In Russ.).

11. Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda: Sbornik dokumentov i materialov [February Revolution of 1917: Collection of documents and materials] / sost. O.A. Shashkova. Otv. red. A.D. Stepanov, V.I. Miller. – M.: Rossiyskiy gos. gumanit. uni-versitet, 1996. – 353 s. (In Russ.).

12. Shubin A.V. (2018) Revolyutsionnyy 1917 god. Ot Fevralya k Oktyabryu [Revolutionary year 1917. From February to October]. – M.: Akademicheskiy proyekt. – 331 s. (In Russ.).

13. Shul'gin V.V. (1990) Gody. Dni. 1920 god [Years. Days. 1920]. – M.: Izdatel'stvo «Novosti». – 832s. (In Russ.).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 11.06.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 22.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.